
КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА, МОРФОЛОГИЯ, ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

COGNITIVE SEMANTICS, MORPHOLOGY, PRAGMALINGUISTICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 5–13.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(9(479):5-13. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-5-13

КОГНИТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СЕМАНТИКИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Андрей Николаевич Беляев

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия, anbelajew@mail.ru

Аннотация. В данной статье излагаются результаты исследования в области когнитивной семантики и когнитивного словообразования. Цель настоящей работы заключается не в том, чтобы дать полный и исчерпывающий анализ имеющихся многочисленных работ, а в том, чтобы дать краткий обзор его основных параметров и положений. Автор сосредоточивает внимание на важных аспектах новейших исследований. Несмотря на разнообразие подходов, в исследованиях по когнитивной семантике и когнитивному словообразованию выделяются некоторые глобальные тенденции. Когнитивная семантика описывается как менталистская теория значения, которая фокусируется на взаимосвязи между семантическими знаниями и другими когнитивными системами, с одной стороны, и взаимосвязи между репрезентативными и процедурными аспектами семантической компетентности, с другой стороны. Она тесно связана с когнитивным словообразованием. Перспективы дальнейших исследований обсуждаются применительно к общему развитию когнитивной науки.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, язык, когнитивные науки, семантика, словообразование

Для цитирования: Беляев А. Н. Когнитивные параметры семантики и словообразования языковых единиц // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 5–13. doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-5-13

Original article

COGNITIVE PARAMETERS OF SEMANTICS AND WORD FORMATION

Andrej N. Belyaev

Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia, anbelajew@mail.ru

Abstract. The paper intends to give an up-to-date survey of the field of cognitive semantics and word formation. It does not aim at giving a full and exhaustive account of research, but at giving a short review of its main foundations and perspectives concentrating on significant aspects of recent research. Despite the diversity of approaches, some global tendencies can be recognized in cognitive semantics and word formation research. Cognitive semantics is described as a mentalistic theory of meaning which focusses on the relationship between semantic knowledge and other cognitive systems on the one hand, and the relationship between representational and procedural aspects of semantic competence on the other hand. It is closely related to cognitive word formation. Perspectives of further research are discussed with respect to the general development of cognitive science.

Keywords: interdisciplinary approach, language, cognitive sciences, semantics, word formation

For citation: Belyaev AN. Cognitive parameters of semantics and word formation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(9(479):5-13. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-5-13

Введение

Выработанные традиционным языкознанием принципы описания языковой системы значительно обогатились в последние десятилетия благодаря широкому применению междисциплинарного подхода, предполагающего объединение двух или более академических дисциплин в одном виде деятельности. Существующая с давних пор прочная взаимосвязь языкознания с рядом смежных дисциплин привела к порождению целого ряда дисциплин, объект изучения которых выходит за пределы собственно лингвистики. Особое место среди таких дисциплин занимает когнитивная лингвистика. Ее обращенность к языку как общему когнитивному механизму (см. [10]) нацелена прежде всего на выработку адекватной методики описания и объяснения языковой способности человека кодировать и трансформировать информацию. Когнитивная лингвистика видит свою задачу не только в исследовании роли мыслительных структур в механизмах функционирования языка, но и воплощения этих структур в материальных языковых знаках. Ее характерной чертой является также обращенность к «ментальным» основам понимания и продуцирования речи. Когнитивная лингвистика взяла на себя тяжелую ношу по синтезу двух исследовательских планов: анализа репрезентаций собственно языковых знаний в сознании человека и изучения порождения, восприятия и понимания речи, затрагивая тем самым сложнейшую область исследования взаимоотношений языка и мышления, языка и речи.

Надо сказать, что в традиционной лингвистике не существует ни одного сколько-нибудь подходящего метода для полного раскрытия этих отношений. Ни структурная лингвистика с ее точными методами описания языка и выявлении структур, связей между разными сторонами языка, ни функциональная лингвистика, в центре внимания которой находится язык в «действии», в процессе общения, — не в состоянии сформулировать адекватным образом теоретические положения, раскрывающие механизмы системы обработки информации и связанные с ними мыслительные операции, обуславливающие образование языковых знаков и построение лингвистических систем. Казалось бы, выход в междисциплинарное исследовательское пространство даст желаемый результат. Однако сколько бы ни старались ревнители междисциплинарного подхода доказать его жизнеспособность в создании такой теории, которая позво-

ляла бы адекватно объяснять все факты речемыслительной деятельности, *воз и ныне там*. Основная трудность заключается в том, что любая система знаков, возникшая в результате определенной деятельности человека или животных, функционально зависима и производна от знаковой системы, стоящей по отношению к ней на более низком уровне. Знаковая система не может возникнуть сама по себе, она зиждется на элементах другой знаковой системы, на единицах другого порядка. В отношении естественного языка такими элементами, по-видимому, являлись некие протознаки, выражавшие особое состояние «высказывания», когда его смысл еще не был переведен в знак. В нем выражались чувственные следы от реальных впечатлений и зачатки мыслительной деятельности. У животных система коммуникации не нашла в процессе эволюции дальнейшего развития и осталась, по своей сути, на уровне протознаков, или сигналов, для передачи информации, которая осуществляется специальными органами (голосовой аппарат, пахучие железы, форма тела, окраска, поведение животного и т. п.). Вероятно, предвестником человеческого языка явилось возникшее в определенный момент развития человеческого общества некое социальное «сгущение», обусловленное процессом экстерииоризации, т. е. процессом превращения внутреннего психического действия во внешнее действие. В работах Н. Хомского и его последователей такое свойство называется базовым свойством языка. Возникает вопрос, как и когда оно возникло? Появление осмысленных словоподобных элементов остается для всех загадкой. Так же сложно ответить на вопрос, когда и как именно появилась операция соединения протознаков. Н. Хомский и Р. Бербик указывают на промежуток времени между появлением современных с анатомической точки зрения людей (приблизительно 200 000 лет назад в Южной Африке) и первых с поведенческой точки зрения людей (приблизительно 80 000 лет назад) [18. С. 246–247]. Видимо, до этого периода сознание человека находилось в сингулярном состоянии. Далее параллельно с увеличением объема мозга происходило расширение сознания и постепенная его дифференциация на языковое и неязыковое сознание. Представляется, что с момента окончательного раздвоения сознания на языковое и неязыковое можно ставить исследовательскую задачу, чтобы установить онтологию и феноменологию языкового и неязыкового сознания, ср. [16].

Материалы и методы исследования

Основой для разработки теоретических положений настоящего исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в отдельных областях знания: лингвистика, когнитивная лингвистика, психолингвистика, словообразование. В качестве методического инструментария использовались концептуальный анализ и метод когнитивного моделирования, при помощи которых изучалось взаимодействие структур знания и языковых значений, с последующим выявлением элементов смысловой структуры производных слов. Кроме того, использовался метод дискурсивного анализа, который позволил более рельефно отобразить параметры смысловой и структурной составляющих дискурсивного пространства.

Параметры когнитивной семантики

Проблема параметров когнитивной семантики представляет научный интерес в плане определения семантических границ языковых единиц, а в более широком плане — определения границы между наивной и научной картинами мира (см. [19]). Эта проблема может привлекать внимание исследователей, которые оперируют вычислительными факторами, рассматривая язык как вычислительную систему. Иногда вычислительные факторы соседствуют с вычислительными факторами искусственного интеллекта. О. П. Кузнецов пишет: «Мозг с информационной точки зрения — это большой и сложный биокомпьютер, и поэтому интеллектуальные процессы нужно реализовывать на принципах работы с информацией в компьютере, т. е. на основе символьных представлений информации и их обработки с помощью алгоритмических логико-комбинаторных процедур» [13. С. 32]. Ниже остановимся на том, в каких смыслах встречается словосочетание «когнитивная семантика» в лингвистических сочинениях.

В самых общих чертах термин «когнитивная семантика» служит для обозначения направления лингвистического исследования, занимающегося исследованием ментального характера семантических феноменов. Она представляет собой ту область когнитивных наук, которая имеет дело с языком как системой когниций, т. е. ментальной системой познания [20. С. 10]. В понимании В. З. Демьянкова когнитивная семантика — это «эксплицитная, эмпирически заземленная субъективистская, или концептуалистическая теория значения, в которой принимается, что значение

выражения не может быть сведено к объективной характеристике ситуации, описываемой высказыванием: не менее важным является и ракурс, выбираемый “концептуализатором” при рассмотрении ситуации и выразительного портретирования ее» [8. С. 73–74]. По определению Н. Н. Болдырева, «когнитивная семантика — это определенная теория значения, специфика которой заключается в том, что в ней значительное место отводится антропоцентрическому фактору — человеку как наблюдателю, “концептуализатору” и “категоризатору”» [2. С. 23]. В свете этой популярной среди лингвистов концепции разъясняется, в отличие от традиционной семантики, активная деятельность человека в формировании и адекватном восприятии значений языковых знаков. Принято считать, что использование тех или иных языковых средств в определенной речевой ситуации и объяснение причин их выбора будут зависеть от языковой компетенции носителя языка, именно от тех параметров, в рамках которых укладываются его ментальные способности. Попутно заметим, в работе Е. Е. Голубковой [7. С. 48] понятие «когнитивная семантика» практически воспринимается как тождественное понятию «когнитивная лингвистика», с чем мы не можем согласиться.

Несомненно, мы не должны претендовать на многое: полное и непротиворечивое объяснение семиотических процессов означивания и смыслопорождения с позиций когнитивной семантики едва ли возможно. Существует множество причин, препятствующих следованию адекватной линии при принятии правильного решения. Имея дело с когнитивной семантикой, мы не уверены в том, что она способна выявить все релевантные факты некоторого языкового явления, дать полную семантическую характеристику выражению с учетом воспринимаемой ситуации, фоновых предположений и ожиданий, выбранной точки зрения на описываемую сцену (см. [10. С. 73–74]). В связи с этим наши теоретические обобщения носят скорее прогностический, чем детерминистский характер.

Существующее мнение, будто слово приобретает свое значение исключительно в дискурсе, скажем, в определенной коммуникативной ситуации, а следовательно, не является вместилищем для лексического значения, основано на неверной трактовке слова как некой семантической конструкции только на уровне текста. Представление о значении слова как о явлении, порождаемом в дискурсе, исключает из языковой

системы слово, значительно упрощает и обедняет описание языковой структуры. «Слово, — пишет А. Н. Тихонов, — представляет собой семантически цельную единицу языка» [17. С. 18]. Попытки заменить слово как основную единицу языка некой конструкцией обречены на деструктивность. Еще Л. Г. Веденина писала: «Неминуемым следствием “исключения” слова из состава лингвистических единиц является эмпиризм в сфере семантики, растворение анализа в речевых значениях, невозможность существенных обобщений в этой области» [5. С. 83]. Тем не менее существует парадокс: из отдельного высказывания можно извлечь значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом образовании. Осознание этого факта ставит вопрос, каков общий механизм возникновения такой информации и какие важнейшие лингвистические и экстралингвистические факторы способствуют ее возникновению. В лингвистике эта проблема известна как проблема подтекста, которая особенно активно разрабатывалась с середины прошлого века, а ее главный вывод гласит: «подтекст не обязательно является смыслом высказывания, но без подтекста смысла нет» [9. С. 46]. Н. Н. Болдырев справедливо отметил, что «современный взгляд на язык и речевое общение предполагает учет не только их собственно знакового характера, но и комплексного взаимодействия разных языковых функций и их реализаций: когнитивной, коммуникативной, интерпретирующей» [3. С. 5]. В первую очередь необходимо четко установить круг проблем когнитивной семантики, выделив среди них два существенных цикла: 1) проблемы онтологии вербального значения, 2) методологические проблемы когнитивной семантики.

Традиционные семантические концепции (референтная, детерминативная, прототипическая), как считает Е. Ф. Тарасов, не в состоянии дать адекватный анализ содержательной стороны языковых единиц; значение выражения превышает познавательные возможности этих теорий [16. С. 9]. Так, референтная теория значения предполагает, что язык в целом применяется для суждения о вещах вне (а также внутри) его. Согласно данной теории значение выражения отождествляется с тем, на что оно указывает [14. С. 8]. Уязвимым местом в референтной теории значения является то, что связь языка с реальностью не всегда может быть выражена конкретными формами. Так, структура выражения «*Возьми один!*» и значение ее составляющих указывают на то, что нужно взять один какой-то

предмет. Например, *возьми один арбуз, один экземпляр, один гектар земли* и т. п. *Возьми один хлеб, одну лепешку, смоченную оливковым маслом, и один корж из той корзины с пресным хлебом, что поставлена пред Господом* (Ветхий завет. Вторая книга Моисея). Но в ситуации проезда на общественном транспортном средстве фраза пассажира, обращенная к водителю: «*Возьми один на Комарова!*», имплицитно не значение одного предмета, а оплату проезда. В свете приведенных фактов едва ли можно считать состоятельной попытку представить связь языка с миром как корреляцию значимых языковых компонентов с различными компонентами реальности. Не лучшим образом складывается ситуация и в других традиционных направлениях. Существо дела состоит в том, что в традиционных концепциях значения четко разграничиваются языковые и неязыковые знания. Семантике языковой единицы в системе противопоставляется ее употребление в речи. Система лексики, как и синтаксис, относятся к знаковой области языка. Но в когнитивной семантике грань между этими реалиями несущественна. Установление значения выражения происходит в результате обработки всего комплекса информации. Язык устроен таким образом, что языковые элементы получают «смысловую заряженность» в сопряжении с определенной концептуальной системой. Понятие концептуальной системы стало одним из базовых понятий когнитивной лингвистики, позволяющих интерпретировать причинную взаимосвязь мыслительной деятельности человека и объективированных в форме слов или сочетаний слов концептов [3].

Подобно другим теориям, когнитивная теория значения основана на некоторой здравой догадке, значимость которой, однако, не стоит сильно преувеличивать. Точно так же, как несомненно то, что человек, употребляя языковые знаки, некоторым образом выражает и передает другому человеку свои мысли, указывает на мир, несомненным является факт, что единицы языка получают свое значение в процессе их использования людьми. Попытки непосредственного раскрытия значения выражения через привносимый в него конкретный смысл, возникновение которого обусловлено индивидуальными интеллектуальными характеристиками говорящего, сразу сталкиваются с трудностями, поскольку этот конкретный смысл должен по меньшей мере быть уже известен слушающему, в противном случае между участниками коммуникации не будет взаимопонимания. Иными словами, новый смысл должен

быть закреплён в языковом сознании, а на языковую единицу, в силу принадлежности ее к языковой системе, должно накладываться действие ограничительного характера в отношении ее использования. Такая необычная онтологическая ситуация требует своего объяснения. При обращении к конкретному языковому материалу представители различных школ в лингвистике неодинаково понимают характер взаимоотношений между указанными аспектами. И это довольно четко проявляется в противопоставлении значения как формы «социальной фиксации и кодификации деятельности» [15. С. 8–9] и смысла как мотивированного отношения к значению, как формы вовлеченности значения в структуру сознания личности.

Рассматривая современную лингвистическую семантику в свете когнитивной теории языка, Л. М. Васильев выделяет следующие весьма важные для нее черты:

- 1) в основе современной лингвистической семантики лежит теория прототипов; суть этой теории в том, что среди видов категории выделяются образцовые, прототипические (*ворона* — образцовая птица) и необразцовые, не обладающие всеми признаками прототипа (*страус* — необразцовая птица);
- 2) теория сематических и понятийных полей дополнилась теорией когнитивных и ассоциативных полей, описывающей когнитивную картину мира, репрезентацией которой в сознании являются концепты;
- 3) описание универсального языка мысли (*lingua mentalis*), базирующегося на семантических примитивах;
- 4) модульное строение языка считается в когнитивной семантике изоморфным модульной инфраструктуре мозга, его нейронной сети связей [4].

Возражая критикам когнитивной семантики относительно необходимости ее существования, Н. Ф. Алефиренко пишет: «Когнитивная семантика — не миф; она такая же реальная категория, как и сама речемыслительная деятельность человека» [1. С. 47]. В отличие от традиционного взгляда, в теории Н. Ф. Алефиренко словесный знак имеет трехстороннюю структуру: *означающее* (звуковая или графическая структура), *внутренняя форма* и *означаемое*. Таким образом, с точки зрения когнитивной семасиологии «значением выступает мысль о втором объекте, являющаяся информационной функцией первого объекта, и в этом плане является (а) фактом созна-

ния, (б) производящей базой знака (знак произведен от значения) и в этом плане (в) это первичное по отношению к знаку образование» [1. С. 47]. На наш взгляд, важно не столько абсолютно жесткое разделение трех указанных сторон знака (такое разделение объективно невозможно), сколько правильное понимание сути явлений. В связи с этим отношения между фактом сознания, производящей базой знака и внутренней формой должны быть определены с полной четкостью не только в семантике, но также в системе словообразования, поскольку подобная операциональная процедура не должна сводиться только к семантическому анализу, но и задействовать словообразовательный уровень. Оба этих уровня перекрещиваются и накладываются друг на друга.

Проблемы когнитивного словообразования

Одна из наиболее актуальных проблем когнитивного словообразования — проблема адекватного описания языковой способности человека осмысливать мотивированные языковые единицы, для того чтобы их правильно употреблять в речевой деятельности. По существу, все когнитивные и психолингвистические исследования в области словообразования служат одной цели: раскрытию природы этой способности. Когнитивная дериватология становится в настоящее время одним из актуальных направлений в изучении речевой деятельности человека. Ее выделение в качестве самостоятельной области внутри лингвистики наряду с когнитивной грамматикой и когнитивной семантикой естественным образом диктуется общими установками современной лингвистики на изучение внутренних, ментальных процессов получения человеком знания о мире. Следует сказать, что когнитивная дериватология тесно связана и с когнитивной грамматикой, и с когнитивной семантикой. Связь с ними обнаруживается при изучении соответствующих аспектов, подобно связи с грамматикой и семантикой в традиционном словообразовании.

Особое место в теории когнитивного словообразования отводится понятию производного знака, структурирующего определенный тип знания об обозначаемом предмете. Такая структура знания принципиально отличается от непродолжного, нечленимого или условно членимого, холистически воспринимаемого слова. Так, в сложном немецком существительном *Löwenzahn* ‘одуванчик’ выражена идея «зуб льва». Ср. простые слова *Löwe* ‘лев’ и *Zahn* ‘зуб’. Специфика производных слов выражается в том, что они всегда

отражают «такие концептуальные (когнитивные) структуры, которые, по определению, связывают в единое целое несколько концептов, а потому оказываются способными сохранить представление людей о том, что с чем связано, по отношению к кому/чему характеризуется обозначаемое явление, процесс или объект» [12. С. 10]. Однако такую связь не всегда возможно установить на синхронном уровне. Например, в немецком слове *Verwandter* ‘родственник’ связь с понятием «стена» (нем. *Wand*) опосредована понятием «обвивать, крутить» (нем. *winden*). В этом случае мы имеем дело не с наивным представлением: родственник — это тот, кто живет у нас за стеной, а тот, с кем мы связаны кровными узами. Надо сказать, что производное слово в рамках рассматриваемых теорий обладает свойством двойной референции, а именно: обращенностью к миру действительности, свойственной и простым словам, и обращенностью к миру слов, представляющих по своей структуре вторичные единицы номинации. На словообразовательном уровне важным представляется извлечение смысла из производного знака.

Наиболее сложной задачей в этом плане является построение теоретической модели, которая позволила бы, как универсальное средство научного познания, выявить существующие корреляции, соотношения, пропозиции между производным словом и «структурами сознания или структурами знания» [11. С. 59].

Сложность ее заключается в том, что когнитивные механизмы, участвующие в процессе образования производной единицы и наполняющие ее некоторым смыслом, не даны нам в «чистом» виде. Их скрытый характер не предполагает использовать их в качестве анализа эмпирического материала. Поэтому в большинстве работ по когнитивной дериватологии изучение процессов порождения и восприятия смыслов производной лексики носит, как правило, гипотетический характер. Расхожее утверждение, что закрепленные в языковом сознании определенные словообразовательные модели способны соотносить языковые структуры со структурами знания, нуждается в уточнении. Необходимость исследования процессов, обеспечивающих восприятие смыслов и их изменение в производных единицах, в последние годы ощущается все острее. Имеющиеся в распоряжении исследователей когнитивно-дискурсивные описания различных словообразовательных систем убедительно показывают, что для понимания этих процессов недостаточно ни

когнитивных, ни дискурсивных данных. Проблема в том, что даже носитель языка не всегда способен описать значение слова, но при этом правильно его употребляет. Напрашивается сам собой вопрос, нужно ли разделять знание значения слова и употребление слова в соответствии с его значением? Не связано ли то и другое чем-то единым?

Можно согласиться с утверждением Л. В. Ворониной, что когнитивно-дискурсивный подход в словообразовании не исключает, а, напротив, предполагает глубокое изучение сущности производного языкового знака [6]. Конструированием смысла производного слова в дискурсе является инференция, которая представляет многомерный и многоаспектный процесс, определяемый множеством языковых и внеязыковых факторов. В разработанной Л. В. Ворониной схеме по извлечению смысла производного слова центральное место занимает пропозициональная структура, представленная в языке определенными словообразовательными моделями. Ограничение моделирования смысла осуществляется действием когнитивного фильтра. К факторам, образующим цепочку фильтров, на наш взгляд, следует также отнести системные факторы языка. При этом особое внимание уделяется социальным, индивидуально-личным, национально-вариативным параметрам, которые приносят в анализ языковых единиц свои собственные характеристики.

Заключение

При определении параметров когнитивной семантики и когнитивного словообразования целесообразно использовать оппозицию «значение vs смысл». Значение закреплено в языковом знаке, оно объективно и является по своей сущности социальным явлением. Более сложным явлением предстает смысл в системе «язык — речь», который и определяет параметры языкового выражения. Для декодирования смысла производных и сложных слов необходимым условием является не только наличие языковой компетенции, знания знаков, но и умение оперировать этими знаками в процессе определенных мыслительных операций. Чтобы извлечь смысл из речевого высказывания, реципиент должен осуществить две мыслительные операции: во-первых, установить наличие когнитивной метафоры и, во-вторых, определить скрытый смысл по ее эксплицитному компоненту.

В связи с данной проблематикой возникает все тот же старый вопрос относительно того, могут

ли трактоваться корреляции между структурными единицами языка и структурами мыслительной деятельности человека как индуцированные отношения между системообразующими элементами языка и элементами когнитивной деятельности человека, которые затрагивают сферу образования смыслов (концептов). Иными словами, оказывает ли структура языка (и если оказывает, то в какой мере) влияние на мыслительную деятельность человека?

В настоящем исследовании мы пришли к следующему главному выводу: языковая и неязыковая информация, извлекаемая из семантической и словообразовательной структуры языкового знака, зависит от когнитивных семантических и словообразовательных параметров кон-

цептуальной системы, она не носит устойчивого характера и варьируется в зависимости от актуального или возможного положения вещей в мире. Внутренняя неупорядоченность мыслительных операций и даже неспособность «ухватывать» и устанавливать смысл языкового выражения (особенно отчетливо это проявляется при изучении иностранного языка) объясняется, по большому счету, не структурными особенностями строения языка, а глобальностью лингвистической интуиции, выражающейся в умении чувствовать язык, понимать его взаимосвязанную иерархическую структуру и интуитивно понимать новые, до этого неизвестные человеку языковые явления, неологизмы, заимствования и т. д.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Когнитивная семантика: миф или реальность? // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 43–48.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии : учеб. пособие. 4-е изд., стер. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 163 с.
3. Болдырев Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5–14.
4. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика в свете когнитивной теории языка // Germanica. Slavica. Turcica : сб. науч. статей. К 60-летию Р. З. Мурясова. Уфа : Изд-во Башкир. гос. ун-та, 2000. С. 248–252.
5. Веденина Л. Г. Функциональное направление в зарубежной лингвистике // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 74–84.
6. Воронина Л. В. Субстантивное словообразование современного немецкого языка: когнитивно-дискурсивное представление деривационных и композиционных процессов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2022. 38 с.
7. Голубкова Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход ; под общ. ред. В. И. Заботкиной. М. : Языки славянской культуры, 2015. С. 39–81.
8. Демьянков В. З. Когнитивная семантика // Краткий словарь когнитивных терминов ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. фак-т МГУ, 1996. С. 73–74.
9. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 37–47.
10. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. фак-т МГУ, 1996. 245 с.
11. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
12. Кубрякова Е. С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2006. Т. 65, № 2. С. 3–13.
13. Кузнецов О. П. Когнитивная семантика и искусственный интеллект // Искусственный интеллект и принятие решений. 2012. № 4. С. 32–42.
14. Петров В. В. Структуры значения (логический анализ). Новосибирск : Наука, 1979. 144 с.
15. Психолингвистические проблемы семантики / А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов, Р. М. Фрумкина и др. ; отв. ред. А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович. М. : Наука, 1983. 258 с.
16. Тарасов Е. Ф. Онтология и феноменология языкового и неязыкового сознания // Язык — культура, мышление — познание. Интегративные исследования : материалы Междунар. науч.-практ. конференции. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. С. 6–9.

17. Тихонов А. Н. Слово — многоуровневая единица языка // *Germanica. Slavica. Turkica* : сб. науч. статей. К 60-летию Р. З. Мурясова. Уфа : Изд-во Башкир. гос. ун-та, 2000. С. 17–21.
18. Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб. : Питер, 2021. 320 с.
19. Langacker R. W. A view of linguistic semantics // *Topics in cognitive linguistics*. Amsterdam ; Philadelphia, 1988. Pp. 49–90.
20. Schwarz M. Kognitive Semantik // *Cognitive Semantics: Ergebnisse, Probleme, Perspektiven*. Tübingen : Narr, 1994.

References

1. Alefirenko NF. Cognitive semantics: Myth or reality? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2006;(5(56):43-48. (In Russ.).
2. Boldyrev NN. Kognitivnaya semantika = Cognitive semantics. Moscow; Berlin; 2016. 163 p. (In Russ.).
3. Boldyrev NN. Problems of verbal communication in a cognitive context. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Problems of cognitive linguistics*. 2017;(2):5-14. (In Russ.).
4. Vasil'ev LM. Modern linguistic semantics in the light of cognitive theory of language. In: *Germanica. Slavica. Turkica*. Ufa: Publ. house of Bashkir. State University; 2000. Pp. 248–252. (In Russ.).
5. Vedenina LG. Functional direction in foreign linguistics. *Voprosy yazykoznanija = Topics in the study of language*. 1978;(6):74-84. (In Russ.).
6. Voronina LV. Substantivnoe slovoobrazovanie sovremennogo nemeckogo yazyka: kognitivno-diskursivnoe predstavlenie derivacionnyh i kompozicionnyh processov = Substantive word formation of the modern German language: cognitive-discursive representation of derivational and compositional processes. Abstract of Thesis. Smolensk; 2022. 38 p. (In Russ.).
7. Golubkova EE. The use of linguistic corpora in solving semantic problems. In: *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyj podhod = Methods of cognitive analysis of word semantics: computer-corpus approach*. Moscow; 2015. Pp. 39–81. (In Russ.).
8. Dem'yankov VZ. Cognitive semantics. In: *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = Concise dictionary of cognitive terms*. Moscow; 1996. Pp. 73–74. (In Russ.).
9. Dolinin KA. Implicit content of the statement. *Voprosy yazykoznanija = Topics in the study of language*. 1983;(6):37-47. (In Russ.).
10. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = Concise dictionary of cognitive terms*. Moscow; 1996. 245 p. (In Russ.).
11. Kubryakova ES. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanij o yazyke: CHasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira = Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of Speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. Moscow; 2004. 560 p. (In Russ.).
12. Kubryakova ES. Images of the world in human consciousness and word-formation categories as their components. *Izvestiya RAN = News of the Russian Academy of Sciences*. 2006;65(2):3-13. (In Russ.).
13. Kuznecov OP. Cognitive semantics and artificial intelligence. *Iskusstvennyj intellekt i prinyatie reshenij = Artificial intelligence and decision-making*. 2012;(4):32-42 (In Russ.).
14. Petrov VV. Struktury znacheniya (logicheskij analiz) = Structures of meaning (logical analysis). Novosibirsk; 1979. 144 p. (In Russ.).
15. Leontyev AA, Tarasov EF, Frumkina RM et al. Psiholingvističeskie problemy semantiki = Psycholinguistic problems of semantics. Moscow; 1983. 258 p. (In Russ.).
16. Tarasov EF. Ontology and phenomenology of linguistic and non-linguistic consciousness. In: *Yazyk — kul'tura, myshlenie — poznanie. Integrativnye issledovaniya = Language — culture, thinking — cognition. Integrative research*. Ulan-Ude; 2018. Pp. 6-9. (In Russ.).
17. Tihonov AN. A word is a multilevel unit of a language. In: *Germanica. Slavica. Turkica*. Ufa: Publ. house of Bashkir. State University; 2000. Pp. 17–21. (In Russ.).
18. Homskij N, Bervik R. Chelovek govoryashchij. Evolyuciya i yazyk = A talking man. Evolution and language. St. Petersburg; 2021. 320 p. (In Russ.).
19. Langacker RW. A view of linguistic semantics = Topics in cognitive linguistics. Amsterdam; Philadelphia; 1988. Pp. 49–90.

20. Schwarz M. Kognitive Semantik: Ergebnisse, Probleme, Perspektiven = Cognitive Semantics: Results, problems, prospects. Tübingen; 1994. 242 p. (In German).

Информация об авторе

А. Н. Беляев — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков.

Information about the author

Andrej N. Belyaev — Doctor of Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 09.04.2023; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 09.04.2023; accepted for publication 02.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.